

Шпион

Автор:

Евгений Цепенюк

Шпион

Евгений Павлович Цепенюк

Конспирологи упорно разыскивают инопланетян, выдающих себя за землян – а попадают только земляне, выдающие себя за инопланетян. Может, они просто не там ищут?..

Вечер летнего четверга: прозрачно-золотистый, теплый, сладкий, но не сулящий никаких особенных ощущений, как стакан слабого чая. Ноги неспешно несут меня с работы домой. Руки слегка раскачиваются в такт ходьбе, голова отдыхает. До последнего на привычном маршруте пешеходного перехода остается десяток шагов.

И тут вдруг я понимаю, за что ненавижу Мельникова. И в тот же миг ненависть исчезает. Рассасывается. Улетучивается. Прожевывается и проваливается вниз по пищеводу, оставляя лишь легкое, горьковато-терпкое и чем-то даже приятное послевкусие.

– Однако! – говорю я себе. – А ведь все эти годы... Сколько уже? Да без малого полтора десятка. Полтора десятка последних лет планета Земля становилась крайне неуютным местом всякий раз, стоило лишь мне вспомнить, что Мельников топчет ее почву и копит ее небо. И все, оказывается, из-за такой ерунды!..

– Е-у-ы-ы-ы! – яростно вопит темно-вишневая Тойота. Или взывает Ниссан? Впрочем, какое бы имя не выдумали хитроумные маркетологи для куска хорошо обработанного металла, он проносится столь стремительно и настолько близко от моего носа, что опознать его было бы непросто даже в том случае, если бы я разбирался в моделях автомобилей. А я до сих пор так и не удосужился в них

разобраться. Не говоря уж о том, чтобы обзавестись собственным экземпляром. Что в моем возрасте, возможно, выглядит несколько несолидно и как-то даже не по-мужски. Впрочем, при чем тут возраст...

Просто мне не идут ни солидность, ни мужественность, вернее сказать – не подходят. Да и сам я не стремлюсь походить ни на солидных мужчин, ни даже на серьезных мужиков; вернее сказать, не стремлюсь войти в их число. Еще вернее – ни мужчины, ни мужики не входят в сферу моих интересов.

Ведь с ними крайне редко происходит что-либо интересное. Собственно, они тратят всю свою жизнь на то, чтобы надежно оградить свою жизнь от всего интересного.

Что же меня, в таком случае, интересует?.. В основном – всяческая ерунда. Например, вот как вы думаете: если подростка собьет, – не насмерть, – машина, хозяин которой в качестве звукового сигнала выбрал государственный гимн; и этот ребенок, когда вырастет, станет предателем родины; и попадётся с поличным при передаче сверхсекретных сведений иностранному шпиону – то согласится ли суд считать перенесенную в результате давнишнего ДТП душевную травму за смягчающее обстоятельство?..

Кстати, а о чем это я задумался настолько глубоко, что сам чуть было не начал переходить на красный?.. Ах, да! Мельников. Меня как раз осенило.

Пятнадцать лет назад я... Хотя, стоп! На самом-то деле – не совсем я; вернее сказать, не тот я, который сейчас разговаривает с вами, идентифицируя себя этим местоимением, а совсем другой я, тогдашний. Я-подросток, назовем меня-его так. Так вот, этот самый я-подросток твердо верил в то, что мир населяют две категории людей: свои и враги. То есть, вообще-то, имелись еще и посторонние – но как бы по ту сторону нашего мира, в ином измерении (невзирая на то, что они составляли большинство населения планеты, ходили с нами по одним и тем же улицам, а некоторые так и вовсе проживали с нами в одних квартирах, одевали нас, обували и кормили). Все свои любили меня, – разумеется, взаимно, – и вместе со мной мечтали, чтобы поскорее сдохли все враги; а все враги терпеть не могли меня и всех, кого я считал своими. Все-то все, да за одним исключением: Мельников по всем признакам относился к своим, и питал глубочайшее отвращение ко всем врагам... но и ко мне тоже! И таким образом проделывал логическую дыру в моей стройной концепции мироустройства. А я в ту пору сильно не любил, когда кто-либо покушался на

мои стройные концепции.

Нет, ну подумать только: оказывается, я ненавидел его за то, что он ненавидел меня! А он-то меня за что? Наверняка не за то же самое... О, смогу ли я когда-нибудь чувствовать себя уверенно в стихии человеческих переживаний?!

Ну ладно, а с чего это я вдруг вообще вспомнил о Мельникове? Должно быть, сработала какая-то ассоциативная реакция: на событие, визуальный образ, звук... Возможно даже, на запах.

Хотя нет, точно не на запах.

Дело вовсе не в том, что у меня слабое обоняние – хотя оно и в самом деле значительно слабее нормы. Нет, просто Мельников у меня не ассоциируется ни с каким запахом. Хотя, по идее, должен бы. Например, с вонью давно немытого тела. Он ведь выглядел, вел себя и вообще жил, – по крайней мере, на публике, – как нечто вроде панка. Эдакая ходячая пощечина общественной морали, общественному вкусу, всякому общественному достоинству и достоянию – словом, всему общественному, кроме туалета. Общественному туалету он посвятил песню – лирическую, печальную и в своем роде весьма изящную балладу. Тем не менее, Мельников, сколь бы отталкивающее впечатление не производил его внешний вид, неизменно источал лишь аромат дорогого парфюма – настолько легкий, что я о нем скорее догадывался, чем ощущал его, и утонченный до полного отсутствия индивидуальности – так что запомнить его я не смог бы, даже если бы постарался.

Кроме того, я не припоминаю ни единого случая, чтобы от Мельникова несло перегаром или травой – в сколь бы невменяемом состоянии он не пребывал. И, поскольку я ни разу не видел его пьющим либо курящим – то, пожалуй, я нисколько не удивлюсь, выяснив однажды, что на самом деле он ни разу в жизни не употреблял никаких одурманивающих веществ. И я вовсе не пытаюсь объявить его притворщиком и позером – нет, просто его сознание, отправляясь в путешествие на ту сторону, не нуждалось в химической поддержке, как бегун-олимпиец не нуждается в костылях.

Возможно, он опасался, что я объявлю его притворщиком и позером, поэтому и ненавидел меня? А возможно, я заблуждаюсь. Так или иначе, а с дымом горячей помойки Мельников у меня точно не ассоциировался – а меж тем именно это

мерзкое зловоние напрочь перекрыло все прочие запахи в квартале.

Между прочим, все трое регулярно поджигающих мусор обитают в соседнем доме – и их окнам, независимо от направления ветра, достаются самые плотные, самые едкие клубы черного дыма. Пятнадцать лет назад я-подросток, останавливаясь у светофора, всякий раз провожал дым глазами. И всякий раз принимался разглагольствовать перед самим собой о том, что, дескать, человеческая цивилизация – штука скорее нелепая, чем парадоксальная; что люди постоянно ведут себя так, будто не имеют ни малейшего представления о существовании причинно-следственных связей; и что наблюдать со стороны за человечеством, должно быть, порой так же забавно, как за котенком, который охотится на собственный хвост, а порой – так же страшно и отвратительно, как за хвостом, пытающемся придушить надоедливого котенка...

Довольно скоро мне пришлось уяснить, насколько я-подросток был неправ. Практически во всем: в основном – принципиально; местами – не так, чтобы уж очень. Например, первый, вернее, первая из поджигателей перед тем, как швырнуть пропитанную маслом горящую тряпку в контейнер с отходами, тщательно присыпает его содержимое порошкообразной смесью весьма сложного состава. Так, путем окуривания, она проводит профилактику населения от сглаза, порчи и ликантропии. И надо отдать ей должное: ни единого серьезного случая за всю историю микрорайона отмечено не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/cepenyuk_evgeniy/shpion

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)